

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.068-076

А. А. ВолосНациональный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики

Резюме. Автор формирует научно обоснованные выводы о направлениях развития судебной практики по вопросам применения недавно появившихся в ГК РФ норм, связанных с использованием цифровых технологий субъектами экономического оборота. В статье делается принципиальное заключение о том, что суды нередко используют рассматриваемые нормы не в том контексте, который имелся в виду при их создании. Практика по данным делам не может считаться сформированной, что, помимо прочего, подразумевает необходимость подготовки научно обоснованных разъяснений на уровне Верховного Суда РФ. Среди наиболее сложных остается вопрос о возможности применения ст. 141.1 ГК РФ по аналогии для регулирования отношений по поводу цифровых активов, прямо в законе не указанных. Рассуждая об электронном способе заключения договора, стоит сделать вывод о том, что статья 160 ГК РФ говорит о допустимости процедуры доказывания факта заключения договора и его условий, а не о субъективных гражданских правах участников экономического оборота на использование электронных средств коммуникации. Складывается точка зрения о существовании опровержимой презумпции того, что стороной сделки, заключенной посредством электронной идентификации, является тот субъект, который указан в документах о сделке.

Ключевые слова: принципы гражданского права; цифровые технологии; судебная практика; смарт-контракт; цифровые права; криптовалюты; цифровые активы; автоматизированное исполнение обязательств; электронная форма сделок; стандарты доказывания

Для цитирования: Волос А. А. Нормы Гражданского кодекса Российской Федерации и цифровые технологии: вопросы судебной практики. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 68–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.068-076

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01055, <https://rscf.ru/project/23-78-01055/>.

Norms of the Civil Code of the Russian Federation and Digital Technologies: Issues of Judicial Practice

Alexey A. VolosNational Research University «Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation

Abstract. The author draws scientifically grounded conclusions regarding directions of judicial practice development in the context of application of the norms that recently emerged in the Civil Code of the Russian Federation and related to the use of digital technologies by participants of economic turnover. The paper concludes in principle that the courts often apply the rules in question in a different context than the context that was meant by the law-maker. Practice in the cases under consideration cannot be considered as settled, which, among other things, implies the need to prepare scientifically based explanations at the level of the Supreme Court of the Russian Federation. One of the most difficult issues is the issue of the possibility of applying the

© Волос А. А., 2025

rules of Art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, by analogy with the law, to regulate relations over digital assets that are not directly specified in the law. Speaking about the electronic method of concluding an agreement, it is worth concluding that Article 160 of the Civil Code of the Russian Federation actually speaks of the admissibility of the procedure for proving the fact of concluding an agreement and its terms, and not of the subjective civil rights of participants in economic turnover to use electronic means of communication. There is a point of view that there is a refutable presumption that the party to the transaction concluded through electronic identification is the entity specified in the transaction documents.

Keywords: civil law principles; digital technologies; judicial practice; smart contract; digital rights; cryptocurrencies; digital assets; automated fulfillment of obligations; electronic form of transactions; standards of proof

Cite as: Volos AA. Norms of the Civil Code of the Russian Federation and Digital Technologies: Issues of Judicial Practice. *Lex russica*. 2025;78(5):68-76. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.068-076

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01055, <https://rscf.ru/project/23-78-01055/>.

Понимая факт возрастания значимости цифровых технологий для экономического оборота, отечественный законодатель за последние годы внес в ГК РФ несколько дополнений, которые прямо направлены на уточнение прав и обязанностей соответствующих субъектов. Для удобства исследования условно разделим эти новеллы на несколько групп.

Первое направление: определение в законе новых объектов гражданских прав. Речь идет в первую очередь о цифровых правах и цифровых рублях. Впрочем, их правовой режим продолжает оставаться предметом дискуссий. Например, популярно мнение о том, что цифровые права — это не отдельный вид гражданских прав, а лишь особая форма осуществления, способ фиксации прав¹. Такой подход может быть обоснован, помимо прочего, не самой лучшей дефиницией цифровых прав в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ.

Напротив, представляется, что на самом деле отличительной чертой всех цифровых активов является не форма их выражения (существование в цифровой (двоичной) форме), а то обстоятельство, что применительно к таким активам сложно разделить имущественную и неимущественную составляющую. Так, ценность криптовалюты вызвана, с одной стороны, потенциальной способностью обмена на деньги и наличием у нее имущественной ценности, а с другой стороны, уникальной возможностью доступа через логин, пароль и иные средства аутентификации. В таком контексте цифровые активы (в широком

смысле, а не только цифровые права) уже не выглядят лишь формой осуществления гражданских прав. При этом именно для цифровых прав, судя по всему, законодатель хотел создать специфический правовой режим, отличающийся от режима иных цифровых активов.

Второе направление: уточнение правил о форме сделок, применительно к которым особым образом указана возможность их совершения с помощью электронных либо иных технических средств. Прямо разрешается совершение лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде ее содержание (ст. 160 ГК РФ). Однако остается в силе положение закона о том, что требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю². Тем самым акцент на допустимости электронной или иной подобной формы сделки делается не в связи с применением цифровых технологий, а в связи с тем, каким образом происходит идентификация субъекта и можно ли в дальнейшем доказать факт совершения сделки конкретным лицом.

Развивая правило о допустимости электронной формы сделки и обобщая складывающуюся сейчас деловую практику, выделим основные виды гражданско-правовых договоров, заключение которых происходит с использованием цифровых технологий³: договор в простой пись-

¹ См., например: Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 26.

² См., например: Джумагулов Д. Д. Значение подписи как реквизита письменной формы // Закон. 2024. № 5. С. 176.

³ Предложенная классификация представляет собой обобщение деловой практики, а также некоторое уточнение того, что уже было высказано в науке ранее. См., например: Правовое регулирование элек-

менной форме, заключенный путем составления единого электронного документа или путем обмена электронными документами; договор, заключенный путем обмена сообщениями в мессенджере; договор, подписанный электронной подписью (простой, усиленной неквалифицированной, квалифицированной); договор, заключенный путем клика мышью (browse-wrap соглашения и click-wrap соглашения); договор, заключенный на электронных платформах и в других информационных системах.

Третье направление: закрепление в ГК РФ специальной нормы, посвященной исполнению обязательства при применении информационных технологий, определенных условиями сделки. Изначально складывалось впечатление, что законодатель планирует внести правила о смарт-контрактах, но, как правильно отмечено в научной литературе, до сих пор в нашей стране отсутствует четкое юридическое определение смарт-контракта⁴. В итоге в абз. 2 ст. 309 ГК РФ появилось правило о том, что стороны могут предусмотреть применение информационных технологий в целях исполнения обязательств. Ввиду принципа свободы договора вряд ли кто-то с этим стал бы спорить и до того, когда появилась комментируемая норма. Важно при этом учитывать, что юристы рекомендуют применять смарт-контракт только с дополнительным дублированием на естественном языке⁵. На практике это означает необходимость детализации прав и обязанностей сторон своим соглашением. Потенциальная значимость абз. 2 ст. 309 ГК РФ тем самым еще больше снижается.

Изменения в гражданском законодательстве не исчерпываются тремя вышеуказанными условными группами. Так, в качестве тенденций развития частного права в свете цифровизации общественных отношений следует выделить закрепление новых понятий, которые возникли в связи с цифровизацией экономического оборота (майнинг и др.); уточнение правового статуса ряда субъектов гражданских правоотношений

(оператор информационной системы, агрегатор и др.); смещение акцента с общего на специальное правовое регулирование, в том числе подзаконное; как следствие, внесение в ГК РФ большого количества рамочных и отсылочных норм. Например, для целей регулирования гражданских отношений по поводу цифровых прав и цифровых рублей особую актуальность приобретают акты Банка России, место которых в системе источников гражданского права традиционно вызывает вопросы.

Обсуждая названные тенденции трансформации права в связи с развитием цифровых технологий, нельзя не отметить, что происходит она в настоящий момент эволюционным путем. Следует согласиться с позицией о том, что «вместо отмеченного отдельными авторами “революционного пути” идет постепенное эволюционное развитие представлений о гражданско-правовом договоре. Цивилистическая доктрина отреагировала на технологические вызовы, став ризоморфной в своей междисциплинарности, пытаясь осмыслить правовые феномены, связанные с цифровизацией общественных отношений»⁶.

Таким образом, при толковании законодательных норм, касающихся ситуаций использования субъектами экономического оборота цифровых технологий, следует учитывать их место в системе права, а также тот факт, что такие нормы не меняют существо регулирования. Сказанное, в частности, означает применимость принципов гражданского права (юридического равенства участников правоотношений, автономии воли, свободы договора, добросовестности и т.п.) для установления правильного смысла правовых положений.

Впрочем, имеется и несколько иное мнение: следует говорить о цифровом праве как о самостоятельной отрасли права⁷, что, помимо прочего, «нацелено на создание новой регуляторной среды для современной цифровой экономики»⁸. Представляется, что указанный

тронной коммерции : учеб. пособие / С. Ю. Филиппова, Ю. С. Харитонов, Н. В. Щербак. М. : Юстицинформ, 2024. С. 248.

⁴ См., например: *Швец А. В., Гайдук В. А.* Смарт-контракты в российском праве: отсутствие определения и вызванные им юридические и практические проблемы // Юрист. 2024. № 1. С. 51.

⁵ См., например: *Stazi A.* Smart Contracts and Comparative Law. A Western Perspective. Springer, 2021. P. 120.

⁶ *Богданов Д. Е.* Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // Lex russica. 2023. Т. 76. № 3. С. 21.

⁷ См., например: *Зайцев О. В.* Цифровое право в системе российского права // Lex russica. 2024. Т. 77. № 9. С. 116–126.

⁸ *Вайпан В. А.* Понятие и правовая природа цифрового права // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 10.

вывод в настоящий момент не находит подтверждения эмпирическими данными, деловой практикой, что, однако, не препятствует продолжению дискуссий по заявленному вопросу.

Важно отметить, что поиск адекватного правового регулирования в данной сфере продолжается, о чем свидетельствует, например, дискуссия по поводу специального законодательства о маркетплейсах⁹. Более того, ученые и практикующие юристы, применяющие различные нормы, обнаруживают в них неточности, а также проблемы в регулировании, что является предпосылкой для совершенствования уже имеющего законодательства. Примером может стать законодательство об электронной подписи, которая на практике используется достаточно давно. Вместе с тем это не означает отсутствия направлений для совершенствования законодательства в данной сфере¹⁰.

Показателен и правоприменительный аспект: суды начинают применять новые законодательно установленные правила, что позволяет прогнозировать, как в целом будет развиваться практика. Таким образом, *основной целью настоящего исследования является именно формирование научно обоснованных выводов по поводу направлений развития судебной практики по вопросам применения недавно появившихся норм ГК РФ, связанных с использованием субъектами экономического оборота цифровых технологий*. Важно, что абсолютное большинство исследований по тематике регулирования гражданских отношений в условиях цифровизации фундаментальные, нередко оторванные от практики, что нельзя признать правильным. В такой ситуации неудивительным является утверждение о том, что при проведении исследований в эпоху цифровых технологий важно изучать судебную практику во многих юрисдикциях¹¹. Хотелось бы, чтобы

в целом акцент был смещен в пользу эмпирических исследований, имеющих прикладной смысл.

Анализ судебной практики, сложившейся за несколько лет после появления новелл ГК РФ, в совокупности показывает, что суды применяют рассматриваемые нормы несколько не в том контексте, который подразумевался при их создании. В частности, деловая практика по обороту цифровых финансовых активов только начинает складываться, поэтому и судебных споров, связанных с цифровыми правами, провозглашенными в ст. 141.1 ГК РФ, пока нет. При этом статья 141.1 ГК РФ используется судами для обоснования отсутствия правового регулирования отношений по поводу цифровых активов, не являющихся цифровыми правами. Тем самым подтверждается принцип легалитета: к цифровым правам относятся лишь такие объекты, которые прямо указаны в законе в таком качестве. Например, в суде было заявлено требование «об обязанности передать логины и пароли к социальным сетям... а также доступы к TripAdvisor, “Яндекс Карты”, “2ГИС”». Суд, сделав ссылку на п. 2 ст. 141.1 ГК РФ, в удовлетворении этих требований отказал, поскольку истцом не доказана принадлежность и права на данные цифровые ресурсы¹². По другому делу обсуждалась действительность договора, связанного с реализацией криптовалюты. Суд отметил, что «положения статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, на неприменение которых указывает заявитель кассационной жалобы, не могут повлиять на выводы судов. Более того, исходя из даты возникновения спорных правоотношений, данная норма не подлежит применению»¹³. То есть как будто бы основные аргументы неприменения ст. 141.1 ГК РФ в данных делах — содержание прав и обязанностей по правилам указанной

⁹ На факультете права прошел круглый стол «Перспективы законодательного регулирования электронной торговли и маркетплейсов» // URL: <https://pravo.hse.ru/news/896639856.html> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁰ О некоторых предложениях по совершенствованию законодательства об электронной подписи см.: Селезнева О. А., Батченко Д. С., Плетнев Н. И. Действительность усиленной квалифицированной электронной подписи, или Исчезающие чернила // Закон. 2024. № 9. С. 83.

¹¹ Pagey D. Comparative Legal Research in Copyright in the Digital Age: Nature, Significance and Methodological Steps // Indian Law Institute Law Review. 2020. Winter Issue. P. 81.

¹² Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022 № 11АП-1617/2022 по делу № А65-16901/2020 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.08.2020 № Ф01-11633/2020 по делу № А43-34718/2017.

статьи и ее действие во времени, хотя ввиду принципа легалитета правила ст. 141.1 ГК РФ не должны применяться к спорным правоотношениям в принципе. Однако суды в обосновании своих решений почему-то постеснялись написать это прямо.

Более логичным представляется следующий подход суда: «Истец необоснованно указывает на то, что карточка товара является объектом гражданских прав, приравнивая карточки к цифровым правам. Между тем карточка товара не отвечает признакам объекта цифрового права, установленным в ст. 141.1 ГК РФ, Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ, Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ, и, следовательно, не может являться объектом гражданских прав»¹⁴. При этом остается вопрос, не может ли какой-то цифровой актив (в комментируемом деле был спор по поводу так называемых карточек товара на маркетплейсах Ozon и Wildberries) быть объектом гражданских прав в силу ст. 128 ГК РФ и не исчерпывающего перечня «иного имущества». В любом случае не до конца верна следующая логическая посылка: «карточка товара — не цифровое право, а следовательно, не объект гражданских прав».

Любопытен другой подход российских судов, согласно которому даже сделки по поводу цифровых активов, прямо не указанных в законе, могут совершаться. В частности, в ряде дел суды правильно признавали, что правила о цифровых правах неприменимы к криптовалюте. Вместе с тем делался принципиальный вывод о допустимости сделок по поводу криптовалют¹⁵. Как сказано в одном судебном решении, «сделки с цифровой валютой могут совершаться»¹⁶. Полагаем, что такой вывод соответствует принципам гражданского права и в целом должен быть поддержан постольку, поскольку иное не установлено законодательством, а имеющееся регулирование цифровой валюты в законодательстве о цифровых финансовых активах не может признаваться в качестве формирующего конкретный частноправовой режим данного объекта.

Приходится констатировать, что правовой режим цифровой валюты и криптовалюты остается в некоторой степени загадочным. Так, не совсем ясно, можно ли между ними поставить знак равенства. Далеко не все специалисты, близкие к обороту криптовалюты, согласны с тем, что ее признаки в полной мере соответствуют цифровой валюте по смыслу российского законодательства. Также вопрос о сущности цифровой валюты остается сложным, т.к., по утверждению ученых, у нее есть некоторые уникальные характеристики, которые не учтены законодателем. В частности, отмечается, что «отношения, возникающие относительно цифровой валюты, обладают сложной структурой и состоят из абсолютного и нескольких видов относительных правоотношений. В цифровой валюте, вопреки утверждению законодателя, присутствует имущественное содержание (имущественное право, заключающееся в возможности предъявлять требования), а ее обладателю противостоят обязанные лица, как в рамках абсолютного, так и в рамках относительных правоотношений»¹⁷. На данный момент в целом можно согласиться с их значительной экономической ценностью, а также с тем, что такие объекты должны быть строго отделены от физических объектов¹⁸.

Представляется, что главный вопрос не только в определении правовой сущности, но и, что вытекает из этого, в потенциальной применимости норм действующего законодательства к цифровой валюте (криптовалюте). Остается неразрешенным вопрос о возможности применения ст. 141.1 ГК РФ по аналогии для регулирования отношений по поводу цифровых активов, прямо в законе не указанных. Формулировка положений закона, а также имеющаяся на данный момент судебная практика формально этого не исключают.

Как видим, применение в судах правил ст. 141.1 ГК РФ о цифровых правах касается в данный момент ситуаций, не имеющих отношения к самим цифровым правам. Однако также любопытная практика формируется и по отно-

¹⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 26.12.2023 № 10АП-22628/2023 по делу № А41-7276/2022.

¹⁵ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 № 88-10336/2021.

¹⁶ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.03.2024 № 33-8733/2024.

¹⁷ Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2 (64). С. 274.

¹⁸ Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech (Hrsg.). Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 4.

шению к другой новелле — норме абз. 2 ст. 309 ГК РФ. Как видно из ее содержания, она касается процедуры исполнения обязательства. Суды начали применять ее для разрешения споров, связанных с формой взаимодействия сторон. В частности, по одному из дел рассматривался вопрос о допустимости электронной переписки в качестве доказательства принятия контрагентом исполнения обязанностей по договору. Суд кассационной инстанции, сославшись на абз. 2 ст. 309 ГК РФ, отметил, что электронная переписка не может являться доказательством, подтверждающим выполнение работ, ввиду того, что такой способ исполнения обязательств не может считаться надлежащим¹⁹.

Несомненно, ссылка на абзац 2 ст. 309 ГК РФ в приведенном контексте не является релевантной ввиду того, что, как прямо в нем указано, он касается случаев исполнения обязательства в отсутствие дополнительно выраженного волеизъявления сторон. Следовательно, только для этой ситуации законодатель предусмотрел обязательное определение способа исполнения обязательства условиями сделки. Направление письма, пусть и электронным способом, очевидно, предполагает наличие волеизъявления. Расширенное толкование абз. 2 ст. 309 ГК РФ было бы абсурдным, т.к. вряд ли законодатель подразумевал, что любое формальное взаимодействие сторон договора посредством информационных технологий должно быть обязательно определено соглашением сторон. С другой стороны, процитированный подход суда мог бы послужить стимулом к новому витку дискуссий по поводу того, что есть исполнение обязательства и можно ли направление каких-либо документов для подтверждения факта исполнения считать самим исполнением.

По сравнению с проанализированными выше новыми правилами абз. 2 ст. 309 и 141.1 ГК РФ судебная практика по поводу заключения сделки с помощью электронных либо иных технических средств выглядит разнообразной

и даже по некоторым вопросам сформированной. Впрочем, суды часто верно отмечают, что неважен сам факт использования каких-либо технических средств для заключения договора. Наиболее актуальным остается такой аспект, как идентификация субъекта, вступающего в сделку. По смыслу действующей редакции ст. 160 ГК РФ (и, как представляется, предыдущей редакции также) допускается «заключение сделки в том числе путем обмена документами по электронной почте при возможности достоверного установления факта, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано»²⁰. Далее, хотя и не в каждом судебном решении, но прослеживается идея свободного выбора субъектами формы взаимодействия, ведь «отсутствие между сторонами соглашения об обмене электронными документами не является нарушением требований закона»²¹. То есть, по идее, нет необходимости изначально сторонам согласовывать электронную форму взаимодействия, например, в стандартной письменной форме. По крайней мере, статья 160 ГК РФ на это никак не указывает.

Несколько иной вывод можно сделать исходя из практики, связанной с так называемыми эмодзи. Так, известность в юридических кругах приобрело дело, по которому суд признал знак в виде большого пальца вверх в мессенджере выражением воли, имеющим правовые последствия. Однако важно, что в рассматриваемом случае между сторонами изначально был традиционный договор в письменной форме, согласно которому субъекты согласились на взаимодействие по WhatsApp²². Показательно, что в другом деле суды не признали символ в виде четырех рукопожатий в качестве волеизъявления стороны, т.к. «направление названных символов не может достоверно подтверждать принятие заказчиком выполненных работ и их объемы»²³.

Таким образом, нельзя сказать, чтобы в России складывалась практика признания за

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.07.2020 № Ф10-2378/2020 по делу № А84-3639/2019.

²⁰ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.07.2024 № Ф10-1569/2024 по делу № А08-10062/2022.

²¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.12.2022 № Ф06-26834/2022 по делу № А55-3350/2022.

²² Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 15АП-8889/2023 по делу № А32-36944/2022.

²³ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2024 № 07АП-1967/2024 по делу А27-4962/2023.

знаками эмодзи правовых последствий. Такие возможны, но только при существовании юридического состава, включающего в себя одновременно различные юридические факты, в том числе подтверждающие уже существующие договорные отношения между сторонами, а также допустимость использования электронной переписки между ними.

Анализ практики по электронному способу заключения договора может привести к мысли о том, что речь здесь идет не о материальном правоотношении, возникновении прав и обязанностей контрагентов, а о процедуре доказывания в рамках судебного спора, возникшего из рассматриваемого договора. Закон как будто бы говорит о том, что электронный документ может быть средством доказывания факта заключения договора и его условий. Думается, что отчасти дела обстоят именно так, а значит, именно в таком контексте (через значимость для процедур доказывания) следует толковать новые правила абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ. Вместе с тем получается, что указанная норма не предлагает ничего нового, ведь фактически об этом же всегда говорил пункт 1 ст. 162 ГК РФ: в подтверждение факта заключения сделки и ее условий можно ссылаться на письменные доказательства. В связи с этим можно ли говорить, что электронная форма по новой редакции ГК РФ не дает ничего нового? Представляется, что это не совсем так, ведь определенным образом суды, применяя абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, формируют стандарты доказывания. Именно в этом, как представляется, наибольшая ценность комментируемых правил для практики. Так, одним из возможных стандартов доказывания в порядке спора о признании сделки заключенной должен быть признан следующий: сторона, которая ссылается на возможность признания за электронной формой взаимодействия субъектов юридически значимых последствий, должна подтвердить, что другая сторона знала или должна была знать о допустимости такой формы взаимодействия, а также о том, кто конкретно выражает свою волю. Например, направление текста договора с электронного адреса, не принадлежащего субъекту и не согласованного сторонами в качестве средства взаимодействия, не может рассматриваться в качестве юридически

значимого волеизъявления²⁴. В такой ситуации, действительно, на первый план выходит возможность субъекта доказать, что направление письма с определенного электронного адреса воспринято другой стороной в качестве юридически значимого сообщения. В качестве допустимых аргументов могут выступать предыдущее взаимодействие сторон в такой форме (обыкновения), последующее признание такого юридически значимого сообщения (например, конклюдентными действиями) и т.п.

Допустимо также говорить о презумпции того, что направление какого-либо сообщения в электронной форме означает желание признать за такими действиями юридически значимые последствия. Такая презумпция может вытекать из договора, закона или деловой практики. Так, проставление электронной подписи через уведомление по телефону признано юридически значимым, несмотря на то, что сам номер телефона контрагенту не принадлежал, т.к. изначально указанный номер телефона значился в заявлении о присоединении к правилам дистанционного обслуживания, а также в заявке-анкете на предоставление микрозайма²⁵. Аналогичная ситуация касается заключения договоров (в частности, о выдаче кредитов) через мобильные приложения банков²⁶.

Приведенные примеры не стоит рассматривать в качестве установления неопровержимой презумпции. Суды обычно об этом прямо не говорят, хотя такой вывод может быть проиллюстрирован складывающейся практикой взаимоотношений кредитных организаций с гражданами. В частности, за гражданином (а равно иным субъектом правоотношений) должно быть сохранено право на оспаривание факта заключения договора с использованием цифровых технологий (приложений, СМС-уведомлений и пр.) при доказанности того, что другая сторона знала или могла знать, а равно могла сомневаться в том, что в действительности сделка заключается не тем лицом, данные которого указаны при заключении такого соглашения. В этом плане следует согласиться с подходом Верховного Суда РФ: «При рассмотрении таких споров (об оспаривании выдачи дистанционного кредита в связи с мошенничеством. — А. В.) особого внимания требует исследование

²⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.2024 № Ф04-403/2024 по делу № А03-7746/2023.

²⁵ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2024 по делу № 88-1328/2024.

²⁶ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.03.2023 по делу № 88-9448/2023.

добросовестности и осмотрительности банков. В частности, к числу обстоятельств, при которых кредитной организации в случае дистанционного оформления кредитного договора надлежит принимать повышенные меры предосторожности, следует отнести факт подачи заявки на получение клиентом кредита и незамедлительную выдачу банку распоряжения о перечислении кредитных денежных средств в пользу третьего лица (лиц)²⁷. Это касается и тех случаев, когда договор кредита оформляется через приложение и подписан с использованием простой электронной подписи заемщика (СМС-кодов, доставленных на телефонный номер истца). Таким образом, сторона, которая предположительно заключила договор посредством электронной идентификации, должна сохранять за собой право оспаривания факта заключения договора, приведения доказательств того, что на самом деле она не заключала соглашение.

Как видим, следует на уровне практики Верховного Суда РФ прямо признать существование презумпции того, что договор заключен стороной, ранее давшей согласие на взаимодействие в электронной форме. При этом такая презумпция должна быть опровержимой.

На основании изложенного формулируем основные выводы по поводу направлений развития судебной практики по вопросам применения недавно появившихся норм ГК РФ, связанных с использованием субъектами экономического оборота цифровых технологий.

Во-первых, суды нередко применяют рассматриваемые нормы несколько не в том

контексте, который подразумевался при их создании. Это означает, что еще далеко до того момента, когда судебная практика будет считаться сформированной (особенно в том случае, когда мы говорим о применении ст. 141.1 и абз. 2 ст. 309 ГК РФ). Также сказанное подразумевает необходимость подготовки научно обоснованных разъяснений на уровне Верховного Суда РФ.

Во-вторых, остается неразрешенным вопрос о возможности применения ст. 141.1 ГК РФ по аналогии для регулирования отношений по поводу цифровых активов, прямо в законе не указанных. Формулировка положений закона, а также имеющаяся на данный момент судебная практика формально этого не исключают.

В-третьих, по отношению к электронному способу заключения договора стоит сказать, что статья 160 ГК РФ говорит о допустимости процедуры доказывания факта заключения договора и его условий, а не о субъективных гражданских правах участников экономического оборота на использование электронных средств коммуникации. При этом на практике следует признать наличие презумпции о том, что стороной сделки, заключенной посредством электронной идентификации, является тот субъект, который указан в документах о самой сделке. При этом данная презумпция должна быть опровержимой: такая сторона должна сохранять за собой право оспаривания факта заключения договора, приведения доказательств того, что на самом деле она не заключала соглашение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов Д. Е. Несостоявшаяся технологическая революция в договорном праве: апологетика традиционалистской трактовки договора // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 3. С. 21–40.
- Вайпан В. А. Понятие и правовая природа цифрового права // *Право и бизнес*. 2024. № 2. С. 10–17.
- Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2024. Вып. 2 (64). С. 274–288.
- Джумагулов Д. Д. Значение подписи как реквизита письменной формы // *Закон*. 2024. № 5. С. 176–189.
- Зайцев О. В. Цифровое право в системе российского права // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 9. С. 116–126.
- Правовое регулирование электронной коммерции : учеб. пособие / С. Ю. Филиппова, Ю. С. Харитонова, Н. В. Щербак. М. : Юстицинформ, 2024. 340 с.
- Селезнева О. А., Батченко Д. С., Плетнев Н. И. Действительность усиленной квалифицированной электронной подписи, или Исчезающие чернила // *Закон*. 2024. № 9. С. 83–90.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.

²⁷ Определение Верховного Суда РФ от 28.11.2023 № 67-КГ23-14-К8.

Швец А. В., Гайдук В. А. Смарт-контракты в российском праве: отсутствие определения и вызванные им юридические и практические проблемы // Юрист. 2024. № 1. С. 51–54.

Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech (Hrsg.). Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. 180 S.

Pagey D. Comparative Legal Research in Copyright in the Digital Age: Nature, Significance and Methodological Steps // Indian Law Institute Law Review. 2020. Winter Issue. P. 81–95.

Stazi A. Smart Contracts and Comparative Law. A Western Perspective. Springer, 2021. 146 p.

REFERENCES

Bogdanov DE. Failed Technological Revolution in Contract Law: Apologetics of the Contract Traditionalist Interpretation. *Lex Russica*. 2023;76(3):21-40. (In Russ.).

Deryugina TV. Problems of determining the legal nature of digital currency. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2024;2(64):274-288. (In Russ.).

Dzhumagulov DD. Significance of signature as a requisite of written form. *Zakon*. 2024;5:176-189. (In Russ.).

Eigentum in der digitalen Gesellschaft. Herausgegeben von F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Mohr Siebeck Tübingen; 2022.

Filippova SYu, Kharitonova YuS, Shcherbak NV. Legal regulation of e-commerce. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2024. (In Russ.).

Pagey D. Comparative Legal Research in Copyright in the Digital Age: Nature, Significance and Methodological Steps. *Indian Law Institute Law Review*. 2020;Winter Issue:81-95.

Selezneva OA, Batchenko DS, Pletnev NI. Validity of an enhanced *quali ed* electronic signature, or disappearing ink. *Zakon*. 2024;9:83-90. (In Russ.).

Shvets AV, Gaiduk VA. Smart contracts in russian law: absence of a definition and the related legal and practical problems. *Jurist*. 2024;1:51-54. (In Russ.).

Stazi A. Smart Contracts and Comparative Law. A Western Perspective. Springer; 2021.

Sukhanov EA. On the civil legal nature of «digital property». *Civil Law Review*. 2021;21(6):7-29. (In Russ.).

Vaypan VA. The concept and legal nature of a digital right. *Law and Business*. 2024;2:10-17. (In Russ.).

Zaytsev OV. Digital Law in the Russian Legal System. *Lex Russica*. 2024;77(9):116-126. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волос Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
volosalexey@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey A. Volos, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private Law, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
volosalexey@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 18 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 16 ноября 2024 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 18.10.2024.

Revised 16.11.2024.

Accepted 15.04.2025.